

## КНИГА О РУССКИХ ЛИТВЫ: XX–XXI ВВ.

**[Lietuvos rusai XX-XXI a. pradžioje: istorija, tapatybė, atmintis =  
Русские Литвы в XX-XXI вв.: история, идентичность, память:  
straipsnių rinkinys / sudarė Grigorijus Potašenko (ats. redaktorius),  
Pavel Lavrinec, Andrius Marcinkevičius; redaktorių kolegija:  
vyr. redaktorius Vyginas Bronius Pšibilskis ... [et. al.].  
Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2013. 404 с.]**

Сборник статей, подготовленный группой ученых – историками Андрусом Марцинкявичюсом и Григорием Поташенко, литературоведом Павлом Лавринцом и социологом Моникой Фреюте-Ракаускене – это комплексное разностороннее представление исторической, филологической и социологической проблематики, связанной с важной для Литвы интригующей (по определению авторов сборника) темой. Сборник является убедительным результатом научно-исследовательского проекта «Традиции и образ Великого княжества Литовского и современная идентичность», осуществленного в 2010–2013 гг. при финансовой поддержке Совета по науке Литвы.

Объект исследования – русские Литвы во «взаимодействии с другими этническими группами, проблемы идентичности, памяти и социальной адаптации русских» (с. 13).

Разные аспекты истории и культуры русских Литвы (русский фольклор, русская литература и живопись в Литве, история русских говоров, история

литовской старообрядческой церкви, проблемы социальной адаптации русского населения Литвы, отдельные персоналии и др.) уже привлекали к себе внимание исследователей, однако, как отмечают составители сборника в Предисловии (с. 13–17), самые близкие к нам по времени периоды истории Литвы, начиная с первых десятилетий XX в., изучены недостаточно. Кроме того, в обществе ощущается потребность в исследованиях, которые создавали бы некий противовес «моноперспективной национальной историографии» и «литуаноцентризму» в изучении истории и истории культуры Литвы. Поэтому авторы сборника, полемизируя с названными тенденциями, стремятся на основе анализа конкретного историко-культурного материала «показать этническое и культурное многообразие современной Литвы, различные формы идентичности и памяти разных групп русских» (с. 16), делая тем самым шаг в направлении многоперспективной литуаноцентричной историографии.

Особенностью сборника, состоящего из трех разделов, хронологически связанных с разными историческими периодами, является то, что половина из представленных в нем восьми статей написана на русском языке (статьи П. Лавринца и одна из статей А. Марцинкявичюса), половина – на литовском языке (статьи Г. Поташенко, М. Фреюте-Ракаускене и одна из статей А. Марцинкявичюса)<sup>1</sup>.

Первый раздел сборника – «Независимая Литва (1918–1940): адаптация русских, идентичность и образ старой Литвы» – составляют статья А. Марцинкявичюса «Социальная адаптация и идентичность русского населения Литвы в 1918–1940 гг.» (с. 23–52) и статья П. Лавринца, посвященная образу древней Литвы в русской литературе этого периода (с. 53–71).

А. Марцинкявичюс, опираясь на данные из Литовского центрального государственного архива, опубликованные источники, периодические издания и научную литературу Литвы и других стран, освещает демографическую ситуацию русского населения Литвы, вопросы, связанные с образованием и положением русских на рынке труда, а также рассматривает те структуры и общественные организации, которые принимали участие в формировании идентичности русских в межвоенный период. Говоря о неоднородности русской общины, составлявшей в 1923 г. четвертую по численности часть населения Литвы (2,5 %) и сосредоточенной в основном в сельской местности (82,2 % всей общины),

историк выделяет три группы: старообрядческое, старожильское население, а также группа белоэмигрантов, выбравших Литву как временное убежище в надежде на скорое освобождение России от большевиков (с. 26–30). На литовском рынке труда представители этих групп обладали разными возможностями: отмечается востребованность образованных и творческих людей (особенно в начальный период), позволившая отдельным представителям русского меньшинства реализовать свой творческий потенциал. В то же время отсутствие гражданства мешало русским эмигрантам занимать высокие позиции на рынке труда, где они часто рассматривались как конкуренты национальных кадров (с. 34). Образование на родном языке не давало ожидаемых результатов: русская интеллигенция расценивала национальную школу как инструмент сохранения идентичности, тогда как в школах, находящихся в ведении Министерства просвещения, «интеграция часто понималась как ассимиляция» (с. 37), в связи с чем в школах проводилась литуанизация воспитательного процесса. Большие сложности вызывала подготовка учителей, славистическим предметам уделялось минимальное внимание, для формирования русских классов в литовских школах, которые открывались в силу явной недостаточности русских школ, требовалось большое число учащихся (не менее 20) и т. д. Еще более печальным было равнодушие к образованию детей сельского русского населения. Все это приводило к падению уровня знания русского языка и трудностям при усво-

---

<sup>1</sup> Литовские статьи цит. в переводе автора рецензии.

ении всего школьного курса (с. 39). К повышению социального статуса русской общины или ее отдельных сегментов стремились русские общественные организации (от благотворительных до спортивных и экономических), общее число которых в Литве в 1920–1940 гг. достигало 29-ти (от 6-ти в 1923 г. до 22-х в 1932 г.). Особая роль в сохранении идентичности и передаче национальных традиций принадлежала культурно-просветительным организациям, проводившим вечера, концерты, лекции, выставки, *День русской культуры* и др., однако с 1926 г., в связи с усилением волны литовского национализма, русские общественные организации, деятельность которых не считалась частью культурной жизни страны, выполняли, прежде всего, «оборонительные» функции (с. 40–42). Ученый объясняет причины «негативной идентичности» (с. 49), которая присваивалась русскому населению литовским обществом вплоть до 1940 г., и на судьбах целых групп русских и их отдельных представителей показывает как процессы утраты идентичности, так и ее сохранения и развития, демонстрируя разные сценарии социальной адаптации (ассимиляцию, интеграцию, маргинализацию и сепаратизм) русских в межвоенной Литве. В частности, приводятся положительные примеры адаптации русских, воспринявших культурные и общественные ценности этнического большинства и не утративших при этом своей идентичности.

Статья П. Лавринца «Древняя Литва в русской литературе межвоенного периода» посвящена интерпретациям

Литвы и ее жителей в творчестве писателей нач. XX в. Подобные интерпретации рассматриваются как «варианты исторической преемственности, исторической и национальной (само)идентификации, отношений русских к Литве и ее истории» (с. 54). Преемственность в изображении Литвы и литовцев, по наблюдениям автора, сказалась в использовании определенного набора клише – специфически литовской сюжетной и характерологической топики, экзотических антропонимов и топонимов, упоминании странных обычаев и обрядов, деталей быта, социальной структуры (с. 62, 64). Эти черты так или иначе представлены в анализируемых в статье книгах стихов Е. Шкляра, К. Бальмонта, романах Л. Кормчего и С. Р. Минцлова. Историк литературы отмечает, что «к литовской теме обратились поэты и прозаики, жившие в балтийских странах и связанные с Литвой реальной или мистифицированной библиографией и практическими интересами» (с. 55). Литва в их произведениях предстает «в ореоле величественного прошлого, выступающего залогом будущего, а ее жителей характеризует хлебосольство и гостеприимство, в сочетании с простодушием и непосредственностью» (с. 59). Общий вывод исследователя: «Изображение древней Литвы в произведениях русских писателей моделировали позитивное отношение к стране, ее прошлому и ее народу», а «образ древней Литвы <...> в целом соответствовал доминирующему историческому дискурсу» (с. 66).

Второй раздел рецензируемой книги – «Советская Литва (1944–1990):

миграции русских, конституирование идентичности и историческая память» – представлен статьями трех авторов: Г. Поташенко („Rusai Lietuvoje 1944 m. liepą – 1953 m.: rusų migracijos ir Lietuvos Didžiosios kunigaikštystės atmintis“, с. 73–182), А. Марцинкявичюса („Rusų tapatumo sovietmečio Lietuvoje konstravimas: politika, gyventojų surašymas ir istorinė atmintis“, с. 183–230) и П. Лавринца («Конструирование исторической идентичности в советской русской литературе Литвы», с. 231–254).

Статья историка Г. Поташенко отличается основательностью теоретико-методологического подхода, обоснованностью постановки проблемы, богатством и разнообразием материала. Анализ русских миграционных потоков середины 1944 – начала 1953 гг. и исследование особенностей исторической памяти разных групп русских Литвы на основе тщательно обработанных данных из архивов (включая спецархив Коммунистической партии Литвы), публикаций интервью с русскими (в основном пожилого возраста), воспоминаний, зафиксированных устных рассказов и т. п. позволили ученому уточнить, детализировать, а в некоторых случаях опровергнуть устоявшиеся в литовской историографии положения. К основным выводам ученого (с. 168–171) относятся, в частности, следующие: советская власть унаследовала весьма неоднородную общину, в которую входили и недавно депортированные из Польши сувалкийцы, и вывезенные нацистами из западных регионов России и Белоруссии люди разных националь-

ностей, большую часть которых (до 70 %) составляли русские. Историк подчеркивает, что русская община, ставшая третьей по величине национальной группой Литвы, – это результат «исторического катаклизма, наследие нацистской оккупационной власти, а не заслуга советской власти в послевоенной Литве» (с. 168). На основе архивных данных историк предполагает, что в Литве осталось около 41–66 тыс. людей, депортированных нацистами из России и Белоруссии и не вернувшихся на родину в ходе реэвакуации (с. 112). В послевоенный период проходили разные миграционные процессы, в том числе и иммиграция, представленная 4-мя группами: политическая (военно-политическая), трудовая, стихийная, а также семейная (восстановление семьи) и дружеская. По расчетам Г. Поташенко, примерные пропорции иммиграции в Литву этнических русских по группам таковы: военно-политическая – 19 %, трудовая – 20 %, стихийная – 11–22 %, семейная и «по приглашению друзей» – 39–50 % (с. 148). Данные показывают, что целенаправленная политическая иммиграция составляла сравнительно небольшую долю, хотя это была «политически и идеологически самая влиятельная группа русских» (*там же*). По подсчетам историка, в послевоенный период из республик СССР в Литву прибыло около 78–92 тыс. этнических русских из общего числа около 132 тыс. иммигрантов. Если в 1944 г. общее число русских в Литве могло составлять 181–205 тыс., то в 1953 г. – 196–229 тыс., то есть численность русского меньшинства в Литве за это время увеличилась

на 6-9 % (с. 170). «Русская иммиграция в послевоенную Литву была массовой, интенсивной, довольно хаотической и волнообразной, а не целенаправленной и последовательной, как это нередко изображается в литовской историографии» (*там же*). Эти важные заключения историка, планомерно обработавшего многочисленные источники, корректируют широко распространенные в литовской историографии представления о целенаправленной массовой политической иммиграции в Литву в послевоенные годы и наглядно показывают многоаспектность и динамизм миграционных процессов в послевоенной Литве, лишая почвы однобокую интерпретацию этих явлений как в историографии, так и в научно-популярной и пропагандистской литературе.

Исследования исторической памяти и образа ВКЛ (с. 154–167), проведенные Г. Поташенко, показали разницу культурной памяти у разных групп русской общины Литвы послевоенного времени: с одной стороны, классовый подход и целенаправленно создаваемый образ, опирающийся на принципы советского патриотизма и пролетарского интернационализма, приводили к фрагментации традиции ВКЛ, нивелировке его государственности; с другой стороны, для староверов Литвы более важной была память о ВКЛ как о толерантном к ним государстве, в то время как для староверов-сувалкийцев важнее оказывалась историческая связь ВКЛ и Речи Посполитой (с. 167). Прибывшие в Литву русские, у которых не было аутентичного исторического образа ВКЛ, легко поддавались советской русоцентристской интерпретации истории (с. 171).

Вторая статья в этом разделе, написанная А. Марцинкявичюсом, посвящена конструированию русской идентичности в советское время и начинается с обоснования актуальности темы, обусловленной тем, что в этот период «по политическим причинам в литовской среде сложились предпосылки для формирования политизированного взгляда на русских» (с. 184). Этот взгляд оказался живучим и сильно влияет на оценку русской истории и идентичности. В Литве русские «часто осмысляются либо в сконструированных идеологией советского периода, либо в мифологизированных политических, социальных или культурных контекстах», поскольку «русских принято считать группой населения с одинаковыми социальными и культурными характеристиками, идентифицировать их с поддержкой советского режима и самыми болезненными последствиями этого режима» (с. 184–185). Отмечая сложность исследования идентичности гетерогенной русской общины, историк ставит перед собой цель – проанализировать, как влияли на русскую идентичность разные аспекты конструирования этничности, выработанные национальной политикой СССР (с. 185–186). Ученый напоминает, что Литва в составе СССР оказалась в 1940 г., когда «исключительное положение русского народа и русской культуры среди социалистических наций достигло вершины» (с. 223). Это, с его точки зрения, привело к формированию в литовском обществе негативного образа русских, противовесом чему не могли служить отдельные сегменты русской общины (например, старожилы, интеллигенция, религиозные общи-

ны). Исследователь на основе большого числа статистических данных (переписей населения) и сведений характера (воспоминаний, интервью, отдельных статей), нередко на примерах отдельных биографий показывает сложность и неоднозначность проблемы идентичности русских в Литве в целом (отмечая, среди прочего, «невидимые» вариации русской идентичности), увязывая эту проблематику с необходимостью выделения в русской общине разных групп по критериям их формирования в определенные периоды истории, различия их исторической памяти, отношения к официально признанным стандартам этнической идентичности (с. 223–225).

Поставленные в статье А. Марцинкявичюса вопросы перекликаются со статьей П. Лавринца в этом же разделе, цель которой – «выяснение элементов исторической идентичности и способов ее конструирования в произведениях на русском языке, созданных жившими и живущими в Литве писателями». Ввиду обилия материала, П. Лавринец ограничивается «основными тенденциями и наиболее показательными образцами» (с. 232). Отмечая отсутствие преемственности с прежней традицией в силу того, что «в Литве были ликвидированы прежние формы литературной жизни, а ее участники или погибли, или подверглись репрессиям» (*там же*), автор рассматривает зарождение новой литературной традиции, останавливаясь на следующих ее аспектах: создание в русской беллетристике и документальной прозе модели литовского советского общества и схемы истории Литвы, оснащенных мотивами интернациональной

дружбы, героического революционного и национально-освободительного прошлого (с. 233–237); формирование пантеона исторических персонажей, начиная с советских партийных и государственных деятелей, участников подполья, старых большевиков (в творчестве П. Гельбака, Г. Метельского и Г. Некрасова, В. Устинова и др.) и заканчивая героями более отдаленного прошлого – А. Мицкевичем, филоматами, Т. Шевченко (в творчестве Ю. Кобриня и того же Г. Метельского); разработка темы Великой Отечественной войны, представленной в художественной прозе (Л. Вейсберг, И. Кашницкий) и поэзии (А. Веллер, М. Зак, В. Коновалова и др.), а также в (авто)биографических повестях и документальных очерках (П. Гельбак); построение различных исторических нарративов, описывающих события, происходящие не в Литве, а в России или в Белоруссии (в произведениях крупнейшего русского писателя Литвы К. Воробьева, В. Барановского, Г. Метельского и др., а также в текстах Г. Кановича, стоящего несколько особняком и конструирующего «историческую идентичность литовских евреев» (с. 238–244). Закономерными представляются отмеченные в исследовании изменения в тематике и тональности литературных произведений конца 1980-х – начала 1990-х гг. в связи с отходом от прежних идеологизированных схем отношений с прошлым и переходом к новой исторической тематике – истории старообрядчества (творчество В. Барановского), жизнеописаниям русских поэтов Ф. Тютчева, А. К. Толстого и др. (проза Г. Метельского), а также

к тематике ВКЛ (компилятивные повести Г. Озерова). П. Лавринец приходит к выводу, что в советский период русская литература в Литве отражала советскую модель литовской истории с выделением двух основных периодов – советизации и Второй мировой войны. Герои подобных произведений – реальные деятели прошлого, являющиеся примерами для современников (с. 247). Новые отношения с прошлым начинают складываться во второй половине 1980-х гг., когда историко-культурный нарратив лишается советских идеологических акцентов и появляется нарратив конфессионально акцентированный, пытающийся «совместить русскую национально-культурную историческую идентичность с литовской» (с. 248).

Третий раздел книги – «Современная Литва: возвращение русской культуры Литвы, идентичность и память русских» – включает статью П. Лавринца («Возвращение русской культуры Литвы из забвения», с. 255–316) и две статьи М. Фреюте-Ракаускаене („Rusų kolektyvinės atminties ir tapatumo konstravimas Lietuvos spaudoje rusų kalba“, с. 317–350; „Rusų etninės grupės reprezentacija Lietuvos spaudoje. Negyjančios Antrojo pasaulinio karo žaizdos“, с. 351–386).

Статья П. Лавринца, открывающая раздел, представляет широкую панораму восстановления культурно-исторической памяти русской общины Литвы. Исследование начинается с краткого обзора русской культуры советского периода, для которого были характерны узость рамок и игнорирование многочисленных культурных явлений предшест-

вовавшего периода (с. 256–259). Далее автор детально рассматривает общественно-политический дискурс времен перестройки и литовского Возрождения, когда «актуализировалась проблематика этнической, национально-культурной, государственной самоидентификации, исторической преемственности русского меньшинства в Литве» и развернулась своего рода «борьба за автохтонность», проходившая в основном на страницах периодической печати и сопровождавшаяся различными мероприятиями по «популяризации, общественной легитимации и мемориализации отдельных деятелей» (с. 296), сменившаяся с течением времени научными исследованиями разных аспектов русской культуры Литвы, где особо выделяются работы в области изучения старообрядчества, истории Русской православной церкви в Литве, деятельности отдельных представителей культуры (Л. Карсавин, В. Добужинский), в том числе и писателей. Все эти труды, способствовавшие формированию новой идентичности русских Литвы, обогащению их исторической памяти и развитию межкультурного диалога, предполагают продолжение историко-культурных исследований, вовлечения в более широкий научный и общественно-политический оборот результатов, достигнутых как русскими, так и литовскими исследователями истории и культуры русской общины Литвы. Статья завершается перечислением наиболее важных, с точки зрения ученого, достижений и направлений исследований русской культуры Литвы «как части культуры и общества Литвы, и вместе с

тем как части русского зарубежья и как компонента общерусской культуры (литературы) или социального института» (с. 297).

Завершают сборник две статьи социолога М. Фреюте-Ракаускене. В первой статье, посвященной вопросам коллективной памяти и конструированию идентичности в русскоязычной печати Литвы, представлен обзор русскоязычных изданий (с. 318–320), обсуждается теоретическая модель и методика количественного и качественного анализа периодики Литвы на русском языке, которые используются при рассмотрении основных тем, событий, личностей, представленных на страницах печати (с. 321–342). В выводах отмечается, что «средства массовой информации понимаются как поле символических боев за историческую коллективную память» (репрезентацию прошлого), и обращается внимание на то, что если в 1990 г. в основном формировалась локальная или же связанная с Литвой национальная идентичность, то в 2004 и 2010 гг. начинает доминировать культурная идентификация с Россией (с. 344–346).

Вторая статья М. Фреюте-Ракаускене (с. 352–377) посвящена исследованию репрезентации русской этнической общины (вернее, одной ее группы – «Союза русских Литвы») в связи с явлением исторической тематики – Днем Победы. Анализ инициатив СРЛ позволяет исследовательнице констатировать провоцирование в печати конфликта двух этнолингвистических групп, русской и литовской (с. 376–377), и утверждать, что «русская этническая группа

в печати Литвы репрезентируется <...> в качестве иммигрантов советского периода, а не старожилов Литвы со своим культурным наследием и исторической памятью» (с. 377). Это, а также желание искать точек соприкосновения в интерпретации истории как с русской, так и с литовской стороны, может и в дальнейшем оставаться источником формирования и репродуцирования предрассудков и предубеждений по отношению к русской этнической группе в Литве (*там же*). Статью завершает приложение, в котором перечисляются проанализированные в ней тексты (с. 379–386).

Сборник заключают подробные резюме опубликованных статей на английском языке (с. 387–399). Каждая статья рецензируемой книги снабжена обширной библиографией, а также подробным указанием источников, что в некоторых случаях само по себе является полноценной научно-библиографической работой (см. перечень источников к статье П. Лавринца, с. 298–315). Взятые в совокупности, списки литературы к статьям сборника представляют необходимый и, можно сказать, исчерпывающий перечень наиболее авторитетных изданий и исследований по разным вопросам истории русской общины, русской культуры и литературы в Литве в указанную в названии книги эпоху.

Сборник представляет собой хорошо продуманное целое, в котором статьи, написанные на разном материале, с различными конкретными целями, взаимно дополняют и подтверждают друга друга. У читателя формируются ясные представления о непростой судьбе рус-



ской общины в Литве, о гетерогенности ее состава в различные исторические периоды, о резкой динамике и изменениях социального статуса отдельных групп русских, о смене ориентиров и форм исторической памяти, обусловленных сложными гео-, общественно- и военно-политическими обстоятельствами XX вв., накладывавшими отпечаток на особенности конструирования идентичности у разных групп русской этнической общности на разных временных этапах. Несомненным достоинством сборника является то, что его авторы обращаются к темам, зачастую пропитанным предубеждениями и предрассудками, обсуждают проблемы, являющиеся болевыми точками современной Литвы, и делают обоснованные выводы, которые, вне всякого сомнения, необходимо учитывать в дальнейшей работе специа-

листам широкого профиля – историкам, социологам, историкам русской культуры и литературы в Литве.

Издание выполнено на высоком академическом уровне, с привлечением обширных и весьма разнообразных новых данных – статистических, исторических, документальных, биографических, литературно-художественных и т. д. Авторы статей использовали новейшие теоретические концепции для последовательного, многоаспектного освещения этапов формирования современной русской общины Литвы. Книга, несомненно, привлечет широкий круг читателей – как специалистов в гуманитарных областях, так и общественных деятелей, любителей истории и литературы, всех, кого волнуют проблемы русского этнического меньшинства в Литве.

*Елена Коницкая*